

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

LOVE LYRICS IN THE FOLKLORE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN

A. Gasharova
A. Akamov

Summary: The article is devoted to the analysis of love lyrics as the most developed genre variety of folk poetry of the peoples of Dagestan. On the basis of a comprehensive study, with the involvement of specific examples, the authors made an attempt to determine the ways of formation and development of love lyrics.

Keywords: Dagestan folklore, ritual poetry, genre variety, love songs.

Гашарова Аида Руслановна

кандидат филологических наук, старший научный,
Дагестанский федеральный исследовательский центр
РАН (Россия, г. Махачкала)
aida.2015@yandex.ru

Акамов Абусупьян Татарханович

доктор филологических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник, Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН (Россия, г. Махачкала)
akamov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу любовной лирики как наиболее развитой жанровой разновидности народной поэзии народов Дагестана. На основе комплексного изучения, с привлечением конкретных примеров, авторами произведена попытка определения путей формирования и развития любовной лирики.

Ключевые слова: дагестанский фольклор, необрядовая поэзия, жанровая разновидность, любовные песни.

Наиболее развитой жанровой разновидностью народной поэзии является любовная лирика. К ней относятся песни хорового исполнения [4] и песни-диалоги [12, с. 28–32]. Целенаправленное изучение любовной лирики народов Дагестана началось в послевоенное время. В дореволюционный период в статье исследователя кавказских языков П. К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» [14] анализировались некоторые художественные особенности лирической, в том числе и любовной поэзии народов Дагестана. В советское время, в 1920-е годы, анализируя кумыкский народный стих, в качестве образца Н. З. Анисимов [5, с. 725–729] привел и некоторые любовные песни. Сопоставляя старую и новую аварскую песню, о любовных лирических песнях вскользь упоминает и Л.И. Жирков [7]. В «Известиях восточного факультета Азербайджанского государственного университета» появилась статья Б. Чобан-заде «Заметки о языке и словесности кумыков» [16], а в «Известиях общества обследования и изучения Азербайджана» – статья М. Чаринова «Лакская поэзия» [15], где приводились образцы лирической поэзии, в том числе и любовной лирики.

Идеология мюридизма в первой половине XIX века жестоко преследовала народную любовную песню. «Казалось бы, ислам, столь жестоко и прочно внедренный в сознание горских народов завоевателями-арабами, с его отрицанием и порицанием всякого душевного движения, не связанного с религией, всех светских форм эстетической сферы жизни, должен был постепенно заглушить, удушить это воспевание радостей самого могущественного из земных чувств – возвеличивание любви. Однако этого не произошло. Любовная лирика – хотели

или не хотели этого ее создатели – противоборствовала исламу» [11, с. 4]. Воспевание человеческих чувств было своеобразной формой протеста против горских адатов. Любовь для женщины становилась поистине формой утверждения личности, утверждения всего человеческого, святыней, ради которой зачастую должны быть совершены подвиги, принесены жертвы.

Работа по публикации и изучению любовной лирики усилилась после Великой Отечественной войны.

На развитие любовной лирики в известной мере повлияла семейно-обрядовая поэзия. В наше время многие свадебные обрядовые песни отделились от обряда, перешли в тематические группы необрядовых песен и поются как любовные. В этих песнях так же, как в свадебных и семейно-бытовых, ведущей является тема женской доли. Но разрабатывается эта тема иначе, потому что по-другому воздействует на исполнителей и слушателей. Любовные песни всех народов Дагестана отличаются простотой и глубиной чувств, возвышенностью и исключительной искренностью. В даргинской песне поется:

Ахъ зубразиб шала бац –
Агъ, х1ела исбагъи чарх,
Г1яббасназиб ц1уба арц,
Къурущмазиб ашрапи [6, с. 81]
Ясный месяц в высоком небе –
Твой стройный стан,
Ты среди простых монет – белое серебро,
Среди серебряных – золотая монета.

Из свадебной поэзии любовная лирика черпала эпитеты и сравнения, которые были выдержаны в стиле

традиционной поэтики лирических жанров, такие как: «чинаровое дерево», «желтый сундук», «гордая родня», «свет очей», «красные губы», «белые зубы», «чужой дом», «родной дом», «серебряное оружие», «красная монета», «золотые запоры», «каменные лестницы», «белое серебро», «тонкая талия», «черные глаза» и т. д. Как, например, в лакской песне:

Хъазам кляла арцул,
Мурччив бялилул,
Вил яру яшмилул,
Ххуй хъунклул тлуттий [12, с. 84].
Грудь, как белое серебро,
Губы вишневые,
Глаза твои – как из яшмы,
[Ты – как] красивая роза.

Любовь юноши и девушки уподобляется свету, серебряному мосту, лучу солнца, золотой монете. Коварную девушку сравнивают с ползучей змеей, ее любовь – с ливнем, который проходит быстро, со снегом, тающим весной.

Образы влюбленного юноши и недоступной красавицы наглядно представлены в ногайской песне «Белая тесьма» («Ак шалув»):

Ак шалув, кара шалув шалдым бавга,
Шалувымды шала-шала шыктым тавга.
Тав басы тарам-тарам тогай экен,
Еньгесине сырын айткан онъмай экен! [10, с. 179]
Белая тесьма, черная тесьма, заплела я шнурок,
За этим занятием на гору взобралась.
Вершина той горы – лугом оказалась,
Доверие тайны сердца невестке – неудачей оказалась!

В большинстве песен народов Дагестана воспевается верность в любви; любовь в них уподобляется огню, пламени, ее сравнивают с прозрачной, родниковой водой. Целомудренность поэтического высказывания покоряет безудержным наплывом искренних эмоций. Влюбленный юноша, герой аварской песни поет:

Борхатаб магарде рас меседил бис,
Мунилан угьдулин ургиб гынал рак!
Кьурулган баккулеб цорол иццул лым,
Унго мун щвечлони, щибдай гьабила? [12, с. 349]
На высокой горе златорунный тур,
По тебе страдает сердце в груди.
Из скалы стекающая холодная родниковая вода,
Если ты не станешь моей, что мне делать?

Гордая горянка превыше всего считает верность своему другу, преданность возлюбленному, честность во взаимоотношениях. Чтобы реализовать свою заветную мечту – быть с любимым, девушка готова пойти против всех: бросить дом, семью, обречь себя на проклятье родных и т.д. Свою любовь она называет «невывышаю-

щим цветком», «вечным родником». В аварской народной песне «Есть ли еще [кто-нибудь] несчастнее меня...» («Дунго гдадай гъарим цоги йигодай») девушка поет:

Найил гьоцлялзул цадал раниги,
Цлар чварав мунги тун чидай инаро.
Цел чакар биараб ихх бачланиги,
Гъанже йичун чхяс дун йосиларо [12, с. 132–133].
Если даже пойдут медовые дожди,
Я не выйду за другого, оставив своего избранника.
Если даже наступит жаркая весна,
способная растопить прозрачный сахар,
Теперь меня никто не сможет купить [за калым].

Во многих любовных песнях влюбленная девушка пользуется своеобразными сравнениями, чтобы показать, как она будет беречь свою любовь: «Она завернет любовь в вату, как заворачивают золото, будет хранить в сундуке, как хранят казну» и т. д.

В даргинской песне «В саду, полном деревьями» («Дахъ галгубала анхълизи») поется, что для девушки ее возлюбленный – «среди деревьев – самый стройный тополь», «среди зеркал – серебряное зеркало», «среди кувшинов на полке – серебряный кувшин с длинным горлышком», «среди ягнят – самый курчавый барашек», «среди юношей аула – красивый цветок». В любовных песнях основное внимание уделяется не событиям, а реакции героев на эти события, которые проявляются в раздумьях и оценках.

В народных песнях воспеваются веками сложившееся у дагестанцев представление о женской красоте: черные брови, черные глаза, черные волосы (косы) девушки, ее стройный стан, румяное лицо, алые губы, белые руки, крепкое стройное тело. В даргинской (кубачинской) песне, например, поется:

Шагъри кагъарла анда –
Гяйшала,
Султан дергала нудби –
Гяйшала,
Делкун ляглула хлулби –
Гяйшала,
Хяли арцлакъанкъуби –
Гяйшала... [2, с. 63]
Лоб – шахская бумага –
У Айши,
Брови, как стрела Султана –
У Айши,
Глаза янтарные –
У Айши,
Ноздри из чистого серебра –
У Айши...

Лирический герой любовной песни народов Дагестана, как и любого другого народа, это всегда обобщенный образ. Девушка в них – «лучистое солнце», «золотая

птица», «горная куропатка», «райская груша», «красная роза», «сверкающая звезда», «горящий светильник», «белая жемчужина», «горная фиалка», «белый подснежник», «лик полной луны», «красный цветок полей», «красный мак», «холодная родниковая вода», «цветущий сад», «небесный павлин», «ласточка Востока», «сизый голубь» и т.д. В ногайской песне поется:

Белинъ сенинъ бир увус,
Юзинъ алтын юзиктей,
Ярык куйним каранъа
Озсам сени мен коьрмей.
Йылтырайды, янады
Шымдай кара коьзлеринъ.
Бал ман секер, сербет сув
Сенинъ айткан соьзлеринъ [10, с. 175].

Талия твоя – одна горсточка,
Лик – золотое колечко,
Ясный день для меня словно тьма,
Если пройду, не увидев тебя.
Светятся и горят,
Словно спелый кизил, твои черные очи.
Словно мед с сахаром, напиток шербета,
Слова из твоих уст.

Так, для описания женской красоты в даргинской песне используется весь арсенал изобразительно-выразительных средств: символические образы, метафоры, сравнения:

Либде дила са къахъба,
Къамакъвилдил букунзиб,
Къамакъвия гьаттехвий,
Кахъбая тулак бухе.
Башквва, вибашкквва, къахъба,
Дам лиджуд суссулидил,
Уя бишбахилану [1, с. 76].
Была у меня одна куропатка,
Кормившаяся коноплей,
Но кончилась конопля,
И улетела куропатка.
Вернись же, вернись, куропатка,
Рожью, которая есть у меня,
Буду прикармливать тебя.

Наиболее ранними в дагестанской народной лирике представляются космогонические символы: солнце, луна, звезды, создающие образы любимого человека. Так, в рутульской песне «Ты – райская душа на земле» («Дженнетдид джан – риъи вы») поется:

Дженнетдид джан – риъи вы,
Джегьеннемдид – цъийи и вы,
Виригъ ки вы, ваз ки вы,
Гъугъал – на гыбыл – ки вы,
Чизан ки вы, нагъв ки вы [12, с. 132].
Ты – райская душа на земле,
Ты – адский огонь для меня,

Ты – и солнце, и луна,
Ты – туман, ты – облака,
И роса ты, и слеза.

В данной песне дается портретная характеристика как форма выражения глубоких чувств юноши к девушке. В ней также использованы эпитеты, которые создают зримый образ девушки глазами влюбленного юноши. Они обобщают признаки ее характера, поведение, тем самым создают емкий и конкретный ее образ, а красочный язык, насыщенный эпитетами и сравнениями, создает высокую художественность в отражении глубоких чувств. Наряду с образами-символами, олицетворяющими молодость, красоту, капризность, кокетство любимой здесь использованы эпитеты, связанные с природой, с небесными светилами и явлениями. В выражении чувств влюбленный, восхищающийся своей избранницей, прибегает к опозитизированным средствам.

В любовной лирике также используются образы-символы, заимствованные из восточной поэзии, главным образом, взятые из мира животных и растений: пальма, финик, лев, марал, джейран и др. В кумыкской песне поется:

Оьрюм талны боюн тутуп къарасакъ,
Ювушанлар булан ятгъан бир марал.
Ол маралны сёйлетип чи къарасакъ,
Харабаны авзу шекер, тили бал [8, с. 180].
Если посмотрим вдоль молодых тополей,
На полыни лежит один марал.
Если побеседуем с этим маралом,
Уста у него – сахар, язык – мёд.

Влюбленных в лезгинской любовной песне сравнивают и с героями восточной поэзии – Лейли и Меджнуном, Асли и Керемом и др.:

Асли, Керем багълариъ шул,
Багълариъ шул ригъна вазси.
Къан дарапди гъач, гюзел яр,
Паплар кайн уклу луфси [13, с. 97].
Асли и Керем в саду бывают,
В саду бывают как солнце с луной,
Не задержись, скорей прилети, красивая любимая,
Как наш голубь голубой.

В лезгинских любовных песнях часты и традиционные образы восточной поэзии – розы и соловья:

Я заз акур хаму билбил,
Зи вилерикай вун гъик! квахъна?
Хаму катран ериш аваз,
Цацун валак гъик! акахъна? [9, с. 57]
Молодой соловей, которого я видела,
Как ты скрылся с моих глаз?
С походкой молодого сокола,
Как [ты] мог залезть под колючий куст?

Особенность любовной песни народов Дагестана – по-

лисемантичность некоторых символов, таких, например, как сокол, ягненок, фиалка, соловей, солнце, звезда, – они могут характеризовать и юношу, и девушку. Приведем пример четверостишия из аварской народной песни:

Дунги тун ячарай лачен йихъизе,
 Дарай босун щвела дур авалалде.
 Лочное къачларал гьундул рихъизе,
 Гьоболлұхъе щвела дур азбаралде [3, с. 85].
 Чтоб посмотреть на ястреба, какую он взял, оставив меня,
 С шелками приду к твоему кварталу.
 Чтобы посмотреть на дворец, построенный для сокола,
 Зайду в гости в твой двор.

В любовных песнях использовались разнообразные формы построения произведения. Для них характерна и монологическая, и вопросно-ответная форма, и форма хорового исполнения. Широко использованы приемы преувеличения, а порою и чрезмерного преуменьшения. Формы обращения, упрека, посланий – характер-

ные формы композиций любовных песен.

Среди дагестанских любовных песен тематически можно выделить две большие группы песен: о несчастной и о счастливой любви. В песнях о несчастной любви нередко звучали социальные мотивы.

Для любовных песен дореволюционного периода были характерны грустные мотивы. В них с большей силой звучит тема социальных преград. Основываясь на исследованиях дагестанских фольклористов, песни о несчастной любви можно условно подразделить на песни о неразделенном чувстве, о разлуке, об измене.

На песенную лирику влияло и творчество дагестанских поэтов. Любовные песни, созданные прославленными поэтами прошлого – аварским лириком Махмудом из Кахаб-Росо, даргинским Батыраем, лезгинским Етимом Эмином, кумыкским Йырчи Казаком, лакской поэтессой Щаза из Куркли и другими, распространялись в устной форме и становились народными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакарова Ф.О. Кубачинский фольклор: этно-локальные особенности (исследование и тексты). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1997. 264 с.
2. Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала: Типография Ин-та яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского науч. центра, 1999. 258 с.
3. Аварские народные песни / сост. С. М. Хайбуллаев, М.-К. М. Гимбатов. Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2001. 424 с. На авар. яз.
4. Акамов А.Т., Гашарова А.Р. Песни хорового исполнения народов Дагестана (на примере кумыкских и лезгинских песен) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск, 2021. Т. 31, № 2. С. 398–404. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-2-398-404>
5. Анисимов Н.З. Народный кумыкский стих // Восточные сборники. М., 1924; Кумыкская литература // Литературная энциклопедия. М., 1931. Т. 5. С. 725–729.
6. Даргинские народные песни / сост. З. Магомедов, М. Мусаев и П. Вагидова. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980. На дарг. яз.
7. Жирков Л.И. Старая и новая аварская песня. Махачкала: Дагестанск. науч.-исследоват. инст-т, 1927; Буйнакск: Буйнакск. типо-лит. Даггосизд. 21 с.
8. Кумыкское устное народное творчество. Сокровищница песен. В трех томах. I том / Сост. А.М. Аджиев. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2018. 508 с. На кумык. яз.
9. Лезгинский фольклор / сост. А. Гаджиев; Прилож. на рус. яз. «Описание материалов и фольклорные параллели» / сост. А.Ф. Назаревич. Махачкала: Даггосиздат, 1941. 276 с. На лезг. и рус. яз.
10. Ногайские народные песни / сост. С.А. Калмыкова. М.: Наука, 1969. 215 с. На ног. яз.
11. Песни горцев / ред. и коммент. Э.М. Капиева. М.: Гослитиздат, 1939. 253 с.
12. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. Т. 9. Необрядовая лирика / отв. сост. Х.М. Халилов, А.Р. Гашарова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, Издат. дом «Дагестан», 2020. 664 с.
13. Табасаранские народные песни / сост. М.М. Курбанов. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 165 с. На таб. яз.
14. Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 1–23.
15. Чаринов М. Лакская поэзия // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку: Издание общества обследования и изучения Азербайджана, 1926. Т. 2. 130 с.
16. Чобан-заде Б. Заметки о языке и словесности кумыков // Известия восточного факультета Азербайджанского Государственного университета. Восток-ведение. Баку: Издание Азербайджанского государственного университета им. В.И. Ленина, 1926. Т. 1. 330 с.

© Гашарова Аида Руслановна (aida.2015@yandex.ru), Акамов Абуспунян Татарханович (akamov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»